

ЗЕМЛЯЧЕСТВО И РЕГИОНАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ МИГРАЦИИ ИЗ ДАГЕСТАНА В ЗАПАДНУЮ СИБИРЬ

Екатерина Леонидовна Капустина

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
parlel@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности взаимодействия дагестанских земляческих организаций в городах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов с региональными властями принимающего и отправляющего регионов. В задачи статьи входит описание характера этих взаимодействий, определение актуальных коммуникационных стратегий, применяемых земляческими институтами в условиях специфических вызовов, которые формулируют для них региональные власти ХМАО-Югра, ЯНАО и Дагестана. Автор рассматривает специфику контактов землячества со значимыми институтами власти в отправляющем сообществе в лице Министерства по национальной политике и делам религий и с Духовным управлением мусульман Дагестана, а также с властями принимающего сообщества, в первую очередь городскими и окружными администрациями. В последнем случае выявляются две стратегии поведения, одна из которых направлена на сотрудничество с властями принимающего общества, другая — на более закрытый характер взаимодействия в рамках землячества. Статья написана по материалам полевой работы автора (интервью и наблюдения), которая проводилась в городах обоих округов и в Махачкале в 2015, 2018 и 2019 гг., а также с использованием других источников (публикации СМИ и данные, размещенные на официальных порталах рассматриваемых регионов).

Ключевые слова: миграция, Дагестан, землячества, институты власти, отправляющее и принимающее общества.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-05-60108 «Арктические связи: люди и инфраструктуры».

Для ссылок: Капустина Е. Землячество и региональная власть в контексте изучения миграции из Дагестана в Западную Сибирь // Антропологический форум. 2020. № 46. С. 188–218.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-46-188-218

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/046/kapustina.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2020, NO. 46

DIASPORA ASSOCIATIONS AND REGIONAL AUTHORITIES IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF MIGRATION FROM DAGESTAN TO WESTERN SIBERIA

Ekaterina Kapustina

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
parlel@mail.ru

Abstract: This article investigates the interaction between Dagestani diaspora association organizations and regional authorities of the host and the sending community by considering the case of diaspora associations connected to Dagestan in the cities of the Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets autonomous okrugs. The article aims to describe the specifics of such interactions and to define relevant communicative strategies used by local association institutes facing the challenges created by regional authorities of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, and Dagestan. The study investigates the specifics of diaspora associations' contacts with important governing institutions in the sending community represented by the Ministry of National Politics and Religious Affairs and the Spiritual Administration of the Muslims of Dagestan. Contacts with the authorities of the host community — urban and district administrations, above all — are likewise investigated. In the latter two, behavioral strategies are highlighted. The first is aimed at cooperation with authorities of the host society; the second is aimed at the closed nature of interaction within a diaspora association. The article uses data (interviews and observations) from the author's fieldwork conducted in the cities of both okrugs and in Makhachkala in 2015, 2018, and 2019, as well as supplementary sources (media publications and information from the official sites of the described regions).

Keywords: migration, Dagestan, diaspora associations, regional authorities, host and sending society.

Acknowledgments: This article was prepared as part of the project "Arctic connectivity: People and infrastructure" supported by the Russian Fund for Basic Research, grant no. 18-05-60108.

To cite: Kapustina E., 'Zemlyachestvo i regionalnaya vlast v kontekste izucheniya migratsii iz Dagestana v Zapadnuyu Sibir' [Diaspora Associations and Regional Authorities in the Context of the Study of Migration from Dagestan to Western Siberia], *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 46, pp. 188–218.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-46-188-218

U R L: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/046/kapustina.pdf>

Екатерина Капустина

Землячество и региональная власть в контексте изучения миграции из Дагестана в Западную Сибирь

В статье рассматриваются особенности взаимодействия дагестанских земляческих организаций в городах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов с региональными властями принимающего и отправляющего регионов. В задачи статьи входит описание характера этих взаимодействий, определение актуальных коммуникационных стратегий, применяемых земляческими институтами в условиях специфических вызовов, которые формулируют для них региональные власти ХМАО-Югра, ЯНАО и Дагестана. Автор рассматривает специфику контактов землячества со значимыми институтами власти в отправляющем сообществе в лице Министерства по национальной политике и делам религий и с Духовным управлением мусульман Дагестана, а также с властями принимающего сообщества, в первую очередь городскими и окружными администрациями. В последнем случае выявляются две стратегии поведения, одна из которых направлена на сотрудничество с властями принимающего общества, другая — на более закрытый характер взаимодействия в рамках землячества. Статья написана по материалам полевой работы автора (интервью и наблюдения), которая проводилась в городах обоих округов и в Махачкале в 2015, 2018 и 2019 гг., а также с использованием других источников (публикации СМИ и данные, размещенные на официальных порталах рассматриваемых регионов).

Ключевые слова: миграция, Дагестан, землячества, институты власти, отправляющее и принимающее общества.

В рамках моего многолетнего интереса к изучению процесса миграции из Республики Дагестан (далее РД) в другие регионы России я совершила несколько полевых выездов в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа (далее ХМАО-Югра и ЯНАО), занимаясь сбором антропологического материала о различных аспектах жизни дагестанцев, мигрировавших в города арктической и субарктической зон Западной Сибири в постсоветский период. При сборе материала невозможно было обойти вниманием местные земляческие структуры, объединяющие выходцев из Республики Дагестан: с их главами и активистами проводились интервью, порой они помогали находить информантов или организовывать выезды в различные населенные пункты региона. Официальные лица принимающих регионов, с которыми велись беседы, также воспринимали земляческих лидеров как моих основных, если не единственных, информантов и экспертов в темах, которые тем или иным образом касаются

Екатерина Леонидовна Капустина
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
parlel@mail.ru

присутствия выходцев из Дагестана на Севере¹. Разумеется, невозможно изучать мигрантское сообщество (вернее, сообщества), основываясь на наблюдении и беседах только в земляческих организациях (для некоторых случаев можно в принципе говорить об отсутствии актуальных связей между землячествами и мигрантским сообществом). Тем не менее сами земляческие структуры как специфический социальный институт, безусловно, заслуживают внимания антрополога, занимающегося мигрантскими сообществами.

Институционализация миграции и роль мигрантских институтов в отправляющем и принимающем сообществах — один из популярных вопросов в антропологии миграции (см., например: [Margolis 1995; Kandel, Massey 2002]). К таким институтам относятся различные формы общественных объединений мигрантов, мигрантские ассоциации, для обозначения которых используют различные термины, наиболее распространенные из них — *диаспоры* и *землячества*. Исследователи неоднократно обращались к теме функционирования земляческих организаций различного типа и на материале миграции в Россию. Рассматривались, в частности, такие вопросы, как общая палитра взаимодействия диаспоральных организаций с государством и мигрантами в том или ином регионе [Дятлов 2005; Дмитриев и др. 2013; Нам 2015], интеграционные процессы с участием земляческих структур [Назарова 2018], некомплементарность официальных диаспор и неформальных групп земляков [Бредникова, Паченков 2001], земляческая структура как конструкт, прежде всего политической родины [Румянцев, Барамидзе 2008; 2009], а также характеристика данного общественного института исходя из его правового статуса в стране и правоприменения в его отношении [Осипов 2004; Дмитриев, Роговая 2015].

Говоря о земляческих институтах, апеллирующих к Дагестану, необходимо учитывать их статус и специфику деятельности как представителей в первую очередь граждан России. Именно внутривосточный характер миграции дагестанцев снимает целый комплекс вопросов, связанных со статусом иностранца для мигранта, что отражается и на работе дагестанских землячеств.

Деятельность дагестанских диаспоральных организаций в различных регионах России, как правило, вместе с другими подобными структурами, неоднократно упоминалась в исследованиях российских социологов (см., например: [Воронов,

¹ «Север» — обобщающее понятие, используемое и исследователями арктической зоны, и информантами, здесь оно обозначает фактически любое направление миграции дагестанцев в пределах указанных округов.

Дмитриев 2016; Черепанова, Горбунова 2019]). При этом, однако, в большинстве известных мне публикаций дагестанские земляческие структуры не только прицельно не интересовали авторов, но и исследовались главным образом при помощи количественных методов или в макроконтексте, поэтому специфика конкретных организаций была видна незначительно. Отдельно стоит отметить работы исследователей, пишущих о взаимодействии Дагестана с регионами юга России (например, Ростовской области) через призму деятельности земляческих структур в регионе [Халилова 2012]. В этом отношении настоящая статья восполняет лакуну в антропологическом изучении дагестанских землячеств Сибири.

В статье я обращаюсь к теме взаимодействия дагестанских земляческих институтов¹ с органами власти как принимающего региона (в данном случае ХМАО-Югра и ЯНАО), так и отправляющего (РД), а также с некоторыми другими официальными акторами, связанными с региональными властями (религиозные структуры Дагестана). В частности, мне интересен вопрос, в какой степени региональные власти обращают внимание на данные структуры и как пытаются использовать их ресурс, я также рассматриваю позиции землячеств по отношению к тем властным институтам, с которыми им приходится взаимодействовать в ходе работы. Статья написана на основе полевого материала, собранного мною в 2015 и 2018–2019 гг. в городах ХМАО и ЯНАО (основная работа по этой теме велась в Сургуте и Новом Уренгое), а также в Махачкале в рамках изучения трудовой миграции из Дагестана в города Западной Сибири. Полученные материалы — это преимущественно полуструктурированные биографические интервью с членами земляческих организаций и мигрантами, формально не входящими в актив землячеств, с членами городских администраций, чиновниками Министерства по национальной политике и делам религий Республики Дагестан (Миннац РД), а также наблюдения автора. Помимо этого был задействован материал из открытых источников — публикации в СМИ и данные с официальных порталов структур исполнительной власти указанных регионов.

Следует кратко охарактеризовать случай миграции из Дагестана в города ХМАО-Югра и ЯНАО. Она направлена главным образом в центры добывающей промышленности и, без сомнения, представляет собой значительное экономическое и соци-

¹ Здесь под землячеством я понимаю институционализированное сообщество, ассоциацию земляков — представителей различных этнических групп Дагестана, находящихся на территории ХМАО и ЯНАО. Исключение составляют ногойцы, предпочитающие образовывать свои землячества по этническому принципу, объединяющему ногойцев Чечни, Дагестана, Карачаево-Черкесии и Ставропольского края.

альное явление. Масштабы миграции, ее характер и продолжительность позволяют назвать этот регион одним из самых притягательных для миграции из республики в последние десятилетия (о причинах и основных характеристиках этой миграции см.: [Капустина 2014а; 2014б; Sokolov 2016; Kapustina 2019]). Начавшаяся в 1980-е гг. и достигшая своего пика в начале XXI в., миграция дагестанцев в города Западной Сибири привела к значительному увеличению их числа в этом регионе. Так, по оценкам экспертов, в одном только Сургуте проживает более 20 тыс. выходцев из Дагестана, в некоторых небольших городах процент дагестанцев еще более значительный, например в Покачи из 17 тыс. городского населения около 1,5 тыс. составляют дагестанцы, живущие в городе длительно. По подсчетам постоянного представителя в ХМАО, в округе в целом живет около 100 тыс. дагестанцев.

Значительное присутствие дагестанцев в регионе, а также ряд проблем, с которыми сталкиваются мигранты в принимающем сообществе [Капустина 2014а; 2014б], привели к появлению организаций земляческого типа во многих городах. Существуют различные варианты регистрации земляческой организации: помимо обычной общественной организации, есть возможность организовать национально-культурную автономию (далее НКА). В соответствии с законом «О национально-культурной автономии» под этим подразумевается форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры [ФЗ 2002] (подробнее о развитии института НКА в России см.: [Осипов 2004; Нам 2015]). Очевидно, что по-разному оформленные в разных городах подобные структуры могут отличаться по характеру, интенсивности деятельности и по другим параметрам. По справедливому замечанию В. Дятлова, «при внешней схожести, общем стандартном наборе заявленных в Уставах целях это во многом очень разные организации. Разные по численности, активности и, самое главное, по реальным направлениям деятельности» [Дятлов 2005]. Именно поэтому изучение деятельности отдельных земляческих организаций может показать палитру разнообразия подобных социальных институтов мигрантов.

В своих предыдущих работах на тему миграции из Дагестана на Север я предлагаю рассматривать это социальное явление как транслокальную миграцию, где под транслокальностью подразумевается частный случай транснационализма — социального процесса, в котором мигранты создают социальные поля,

пересекающие географическую, культурную и политическую границы [Glick Schiller et al. 1992: IX] (подробнее о транснационализме применительно к миграции из Дагестана см.: [Karustina 2019]). Транснациональные мигранты могут быть вовлечены в национальные проекты как в месте миграции, так и на малой родине, их самих и их специфический образ жизни могут использовать политические лидеры отправляющего или принимающего региона. В частности, в условиях транснациональной миграции различные силы внутри отправляющего сообщества (политические партии, властные структуры и отдельные лидеры) смотрят на «свои» диаспоры в принимающих сообществах как на «глобальный ресурс и избирательный округ» [Glick Schiller et al. 1999: 81]. При этом диаспоры, как на родине, так и в принимающей стране, не только могут выступать в качестве объектов политики, но и рассматриваются как важные негосударственные субъекты, имеющие определенное влияние и власть [Laguerre 2006; Sørensen 2007; Baser, Halperin 2019] (на российском материале: [Румянцев, Барамидзе 2008] и др.). К. Саттон и С. Макиевски-Барроу назвали такую ситуацию транснациональной социокультурной и политической системой, где «политические события дома влияют на мигрантские сообщества за границей, а мигрантский опыт и влияние транслируются в обратном направлении» [Sutton, Makiesky-Barrow 1975: 114; цит. по: Lozano-Ascencio et al. 1999: 83].

Для решения поставленных задач в статье рассматриваются две земляческие организации: общественное объединение «Национально-культурная автономия представителей Республики Дагестан в городе Сургуте» и ямало-ненецкая окружная общественная организация «Дагестанская диаспора “Ватан”».

Ямало-ненецкая окружная общественная организация «Дагестанская диаспора “Ватан”» была зарегистрирована в 2007 г. Вот как описывает обстоятельства ее создания и основные задачи ее нынешний руководитель:

С того времени [с конца 1990-х гг.] я уже в течение там полгода обзавелся знакомыми, со многими дагестанцами познакомился, влился, как они живут, что они делают. И с того времени начал уже участвовать. Не только я, а все ребята, много ребят было. <...> Были друзья, мы периодически собирались. Там, ну цели были те же, какие у нас прописаны в уставе, там консолидация, сохранение нашей культуры, культурных ценностей дагестанских. И воспитание молодежи — это в первую очередь (ПМА, Э.Б., Новый Уренгой, 2019).

В организации есть актив из представителей того или иного села, которые отвечают за коммуникацию со своими односельчанами или выходцами с одного с ними района Дагестана.

В итоге, по заявлению активистов организации, в небольшом городе большинство приехавших из Дагестана людей о ней знают и нередко контактируют друг с другом в рамках ее деятельности.

В начале 2010-х гг. новоуренгойская организация инициировала строительство общего пространства, которое получило название «земляческий дом». Под эти цели активистами была выкуплена земля, в строительстве участвовали многие дагестанцы — либо работали на стройке, либо ее финансировали. По словам лидера землячества, было решено построить дом для проведения встреч и обсуждений насущных вопросов, поскольку, когда земляки пытались собраться в каком-либо общественном месте, нередко приезжали отряды полиции, вызванные «бдительными» горожанами. Просить всякий раз под собрания землячества какие-то площадки у администрации города активисты считали делом хлопотным — так и возникла идея земляческого дома. Помимо земляческих ассамблей там планировалось проводить мавлиды¹, селить приезжавших земляков, у которых не было места, где остановиться, и т.д. Очевидно, что само строительство сыграло некоторую консолидирующую роль.

Да, землю взяли пустую, пустырь на дачном участке. Официально зарегистрировали его, кадастровый [план получили], вот вещи. И начали строить там дом. И в ходе строительства этого дома познакомились между собой тысячи дагестанцев и не дагестанцев. И после этого очень много дагестанцев узнали, что у нас есть диаспора, оказывается. Есть же много, которые приезжают, никого не знают. Там устроился где-нибудь на работу, ходит на работу туда-обратно. И как где-то что-то, какая-то проблема коснулась, он уже начинает искать. Ему подсказывают: «Ты чего, не знаешь? У нас же есть диаспора. Почему, это самое, туда-сюда?» И вот так. А там очень много людей познакомилось (ПМА, Э.Б., Новый Уренгой, 2019).

Национально-культурная автономия представителей Республики Дагестан в городе Сургуте существует с конца 1990-х гг., это самое крупное земляческое объединение округа из девяти имеющих в нем. Когда я первый раз общалась с представителями НКА в 2011 г., ее тогдашний руководитель, живший в регионе почти тридцать лет, декларировал свою заинтересованность заниматься прежде всего вопросами сохранения национальной культуры и презентацией ее в округе и был недоволен необходимостью быть постоянным медиатором в конфликтных ситуациях с участием своих земляков (см. подробнее: [Капустина

¹ Торжественное празднование дня рождения пророка Мухаммада, а также собрания мусульман по поводу значимых событий в жизни.

20146]). В 2014 г. ему на смену пришел новый глава НКА, молодой спортсмен и предприниматель, который, очевидно, сменил курс организации в сторону активного взаимодействия с властями, и особенно с правоохранительными органами региона (об этом речь пойдет ниже).

У руководителя сургутской НКА есть заместители — представители основных этнических групп в городе, через этих заместителей происходит контакт актива НКА с рядовыми земляками, особенно когда нужно провести масштабный сбор дагестанцев. Также существуют молодежный совет и совет старейшин. Первый очень активен и, по словам лидера землячества, призван вести разъяснительную работу с вновь прибывшими студентами.

У нас есть актив, который постоянно курирует, определенные замы закреплены за университетами, в которые поступают студенты, мы с ними проводим собрания в начале года, в середине года и в конце года. В начале года — для того чтобы вновь прибывшим студентам <...> прямо в университете. Договариваемся с университетом, нам дают помещение, мы проводим. Именно ведется диалог о том, что вы приехали сюда, здесь есть очень много культур, ценностей, да, есть правила университета самого, которые они должны соблюдать там, ни в кепке, ни [с] надписями, ни футболки там, в соответствующей одежде должны находиться, и за университетом есть еще правила города, правила общежития города, как себя граждане Сургута ведут себя, да, там не так, не вызывающе там (ПМА, В.А., Сургут, 2015).

При НКА организован танцевальный ансамбль «Ватан», землячество входит в местный консультативный совет при администрации города, активисты участвуют в различных культурных мероприятиях, например в этническом фестивале «Соцветие».

Сургутская НКА, судя по всему, имеет возможность организовывать большие собрания на различных площадках, предоставляемых администрацией города и предприятиями: собрания первокурсников могут проходить в вузах, выступления и репетиции ансамбля — в ДК «Нефтяник» и т.д.

Примечательно отношение к самому термину «диаспора». В Сургуте лидер землячества и его заместитель не только не используют его в названии своей организации, но и подчеркивают некорректность его применения в этом случае, мотивируя это тем, что дагестанцы — граждане России, а диаспора объединяет иностранцев. В Новом Уренгое термин «диаспора» попал даже в официальное название землячества. Однако в бытовых разговорах свою организацию могут назвать диаспорой и в Сургуте, и в Новом Уренгое.

Дав краткую характеристику рассматриваемым землячествам, я предлагаю обратиться к специфике их контактов с региональными властями как отправляющего, так и принимающего регионов.

Отправляющий регион

Поскольку миграция из РД — заметное экономическое и социокультурное явление, тема жизни соотечественников за пределами республики и их контактов с Дагестаном постоянно поднимается в прессе и в официальных заявлениях чиновников. Основные векторы развития дискурса — утечка ценного народонаселения, облик (особенно моральный) соотечественников вдали от малой родины и их ресурсы, которые можно использовать на благо республики (здесь, правда, речь идет в основном о сверхбогатых или влиятельных дагестанцах — С. Керимове, З. Магомедове и др.).

На уровне правительства республики тема соотечественников в миграции также периодически обсуждается. В частности, предпринимались неоднократные попытки создания связей между регионами, закреплявшиеся в официальных соглашениях между Дагестаном и другими субъектами РФ. У республики много контактов с другими регионами Южного федерального округа (ЮФО), в том числе из-за наличия значительной миграции из Дагестана в пределах округа и имеющих общих границ. Так, в 2017 г. на четыре года было заключено «Соглашение между Правительством Республики Дагестан и Правительством Ставропольского края о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве», есть подобные соглашения и с другими регионами.

Существует институт постоянных представительств Дагестана в других субъектах РФ. Первоначально такие представительства получали бюджетную поддержку, однако с 2013 г. на бюджетном финансировании в качестве органа государственной власти, помимо постпредства в Москве, в России осталось только три представительства — в Ставропольском и Краснодарском краях и в Санкт-Петербурге. В то же время была введена практика назначения отдельных полномочных представителей РД в различных субъектах страны, однако они работают на общественных началах, т.е. без бюджетного финансирования. В рассматриваемых регионах есть два постпреда — постоянный представитель Дагестана в ХМАО живет в Сургуте, в ЯНАО — в г. Пурпе.

Вопросами взаимодействия республики с соотечественниками ведает Министерство по национальной политике и делам рели-

гий РД. Именно оно налаживает контакты с постпредствами и отдельными представителями. Численность дагестанцев в ХМАО и ЯНАО министерство оценивает по 40 тыс. человек в каждом, ее определяют на основании данных, присылаемых постпредами, а также основываясь на последней переписи населения 2010 г. Согласно справке, выданной мне в министерстве в 2018 г., межправительственных соглашений о сотрудничестве между республикой и данными регионами нет.

Нельзя сказать, чтобы дагестанские чиновники не понимали важность регионов ХМАО и ЯНАО для республики — попытки разработать официальные двухсторонние договоры предпринимались не раз. В 2008 г. тогдашний министр по национальной политике, информации и внешним связям Дагестана Э. Уразаев на двусторонней встрече в Махачкале с чиновниками из ХМАО подчеркивал, что дагестанцы живут и работают в Югре и там имеются представительства республики. Советник губернатора ХМАО по делам национальностей и общественных объединений Г. Выдрин отмечала: «Дагестанцы трудятся во всех сферах жизнедеятельности общества, вносят достойный вклад в развитие экономики Ханты-Мансийского округа. Дагестанцы являются хорошими ответственными тружениками и вносят большой вклад в воспитание молодежи» [Исаев 2008].

Один из последних официальных контактов между представителями РД и рассматриваемыми регионами Западной Сибири произошел в конце февраля 2019 г., за пару недель до отставки министра по национальной политике и делам религий Республики Дагестан Т.В. Гамалей. Как объявляет официальный пресс-релиз, основной темой встречи Гамалей и ее заместителей с полпредом правительства Дагестана в ЯНАО М. Гитиномагомедовым стало обсуждение проекта соглашения между Республикой Дагестан и Ямало-Ненецким автономным округом о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве, которое, по словам полпреда, «позволит эффективнее представлять интересы дагестанцев, проживающих в регионе, развивать межрегиональные связи» [В Миннаце РД 2018]. Здесь же упоминается, что проект соглашения и план по его реализации ранее были согласованы с Миннацем РД и внесены на рассмотрение правительства республики еще в январе 2017 г. (однако их дальнейшая судьба в прессе не прослеживается).

Кроме того, вопрос укрепления связей между регионами был обсужден в ходе телефонного разговора Т. Гамалей с заместителем Губернатора ЯНАО А. Мажаровым, который высказал заинтересованность в деловых и гуманитарных контактах с Республикой Дагестан. В ходе встречи были также обсуждены

проекты, касающиеся укрепления межнационального мира и согласия, вопросы работы с молодежью, деятельность религиозных организаций в регионе и др. [В Миннаце РД 2019].

Тем не менее эксперт из министерства в интервью отмечал, что не видит актуальности экономических связей с регионом Западной Сибири ввиду отсутствия квалифицированных кадров в республике и общей незаинтересованности региона в таких соглашениях. Станет ли очередной проект соглашения реальностью, будет видно в ближайшее время.

В 2017 г. при Миннаце был создан Межведомственный совет по взаимодействию с дагестанским землячеством в регионах Российской Федерации и за рубежом, который состоит «из молодых людей, бизнесменов, связанных с муфтиятом, они [действуют] по рекомендации муфтията, а муфтият по согласованию с руководством <...> республики. Вот эти молодые люди выезжали по регионам, там проводили встречи, беседы с нашими диаспорами. Это был такой совместный проект, в котором вот были как бы три стороны: правительство, муфтият и вот это общественное объединение» (ПМА, Татьяна Гамалей, Махачкала, 2018). В 2019 г. под руководством нового министра Э. Муслимова состоялось первое заседание обновленного Межведомственного совета. Согласно официальному пресс-релизу, «Межведомственный совет был создан при Миннаце РД с целью формирования целостной единой системы работы с этническими дагестанцами, проживающими в субъектах РФ и за рубежом, обеспечения согласованных действий органов государственной власти РД и институтов гражданского общества в укреплении межнационального и межконфессионального мира и согласия между народами РФ» [В Миннаце РД 2018]. Однако информанты и представители земляческих структур в Сургуте и Новом Уренгое не упоминали деятельность этого совета.

В интервью тогдашний министр Т. Гамалей отмечала, что Миннац РД не курирует деятельность земляческих организаций, а только контактирует с постоянными представителями. В качестве задач, которые должны решаться посредством института постпредства, декларируются следующие: сохранение этнокультурной самобытности дагестанцев, решение споров и конфликтов, помощь в различного рода трудных жизненных ситуациях, а также работа по противодействию экстремизму и терроризму. В принципе те же задачи декларируются и другими общественными земляческими организациями, связанными с республикой. В отсутствие финансирования решить первую задачу силами одного человека — постпреда — возможно, лишь если у него есть другие ресурсы для подобной деятельности. Это подтверждает и эксперт из министерства, приводя при-

меры успешной деятельности постпредов некоторых регионов в тех случаях, когда у них есть общественное и экономическое влияние и связи с местными властными элитами. Насколько мне известно, в ситуациях резонансных конфликтов и происшествий с участием дагестанцев в регионах ХМАО и ЯНАО представители Миннаца как медиаторы и заинтересованные лица не привлекались¹. Действия по предотвращению экстремизма в регионе, инициированные в ХМАО и ЯНАО из министерства через постпредства, носили характер рекомендаций.

[Мы] сейчас всем им разослали очередную, хотя они и так уже эту работу знают и проводят, но мы методические отправляем, быстро едем в вузы: выявите всех первокурсников, соберите их, возьмите представителей духовенства и с ними разговаривайте, чтобы на удочку они не попадались вербовщикам (ПМА, Татьяна Гамалей, Махачкала, 2018).

Возможно, откровенная слабость взаимодействия Миннаца и дагестанских земляческих организаций является следствием неопределенного статуса последних. По мнению И. Нам, НКА находится в неопределенном положении из-за отсутствия завершенного законодательного процесса по этому специфическому институту, первоначально наделявшемуся большой автономностью и весом. В результате НКА остается общественной организацией, «компонентом публичного говорения об этничности, т.е. символического воспроизводства многоэтничности» [Осипов 2006: 53], элементом декора, украшающего образ мультикультурного и толерантного общества и/или способом удовлетворения эстетических потребностей или властных амбиций узкого социального слоя, что мешает воспринимать НКА как важный элемент гражданского общества с функцией посредничества между мигрантами и принимающим обществом [Варнавский 2011: 212; цит. по: Нам 2015: 41].

В итоге, судя по данным из интервью с сотрудниками министерства и постпредами, контакты последних с министерством часто носят отчетно-формальный характер. Постпред направляет в министерство несколько страниц отчета, министерство отправляет ему и лидеру местного землячества грамоты за успешную работу.

Интересны критерии назначения постпредов в регионах. Так, в ХМАО было несколько кандидатур на эту позицию, и в результате одобрили кандидата, который в прошлом работал в правоохранительных органах, мотивируя выбор тем, что это

¹ По сообщениям эксперта, однажды Миннац через своего постпреда вмешивалось в резонансный конфликт в Калмыкии, когда выходцем из Дагестана была осквернена статуя Будды.

позволит ему успешнее решать вопросы выходцев из Дагестана в регионе.

Очевидно, реальный статус постпреда зависит от его личности и положения в сообществе до получения мандата представителя республики. Например, постпред в ХМАО был до этого и остается сейчас заместителем главы НКА. В течение ряда лет он принимает активное участие во многих акциях, связанных с взаимодействием с земляками. Статус постпреда формально добавил ему вес, но вряд ли кардинально изменил характер его общественной работы.

Постпреда по ЯНАО в новоуренгойской диаспоре «Ватан» практически не знают и дел с ним не имеют: «[Т]ам года два-три назад объявился один парень, он живет в Губкинском, удостоверение показал, представитель президента Дагестана в ЯНАО. Я не знаю, чего он там, какие цели преследует» (ПМА, Э.Б., Новый Уренгой, 2019).

Наличие официальных связей с Дагестаном глава новоуренгойского «Ватана» не воспринимает как необходимость. Проще говоря, от официального Дагестана землячества ничего не ждут и не получают, кроме грамот за успешную работу. Показательно и юридическое обоснование такого отношения к властям республики: «Мы же никакого отношения к Дагестану не имеем, если так взять юридически. Мы же окружная организация на Ямале, мы зарегистрированы в Салехарде» (ПМА, Э.Б., Новый Уренгой, 2019).

В отличие от Министерства по национальной политике РД, которое скорее декларирует свои намерения, чем претворяет их в жизнь, либо старается использовать те общественные институты, которые уже были созданы без его участия, религиозный институт в лице дагестанского муфтията в последние годы достаточно планомерно участвует в духовной жизни северных регионов, в частности в рассматриваемых ХМАО и ЯНАО.

Несмотря на то что в ЯНАО и ХМАО подавляющее число имамов мечети в настоящее время прибывают из Татарстана и Башкортостана [Yarlykarov 2019], Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД) имеет возможность отправлять своих ставленников, уроженцев Дагестана, в качестве помощников имамов мечетей северных городов. В частности, оно направило в мечеть Сургута помощником имама своего представителя из Дагестана, который теперь там отвечает за коммуникацию с земляками. Сургутские активисты отметили его влияние на дагестанское сообщество в городе. Представителя ДУМД в Новом Уренгое, ставшего одним из помощников муфтия ЯНАО, работающего там же, год назад перевели сюда

из города в ХМАО, где он в течение нескольких лет был помощником имама.

Помимо этого, муфтият РД регулярно присылает в Новый Уренгой делегации для организации мавлидов в месяц рождения пророка Мухаммада, периодически устраивает зикры в мечети и распространяет среди местных мусульман газету «Ас-салам», которая выходит под эгидой ДУМД [Yarlykarov 2019].

Периодически, вот каждый год, особенно на день рождения нашего любимого пророка Мухаммеда, выезжают имамы, богословы, ученые. Приезжают в наш город, приезжали, по всем городам они <...>. Духовное управление Дагестана присылает. Такие ученые люди, они приезжают, хутбы¹ читают здесь, мавлиды делают (ПМА, М., Новый Уренгой, 2019).

Тем не менее, по мнению А. Ярлыкапова, влияние ДУМД на местное мусульманское сообщество невелико, отчасти потому, что многие мусульмане-дагестанцы восприняли на Севере идеи салафизма и радикального ислама в целом и считают эмиссаров муфтията многобожниками (см. подробнее: [Yarlykarov 2019]).

Очевидно, что деятельность ДУМД в этих регионах активизируется в условиях различных форс-мажорных обстоятельств, подобных резне в Сургуте в 2017 г., устроенной примкнувшим к ИГ молодым дагестанцем². В течение следующего года во многих городах ХМАО с визитами побывали не только делегации из рядовых сотрудников ДУМД, но и значительные религиозные фигуры. Так, в 2015 г. в ХМАО приезжали заместитель муфтия Республики Дагестан А. Кахаев и имам центральной мечети Махачкалы М. Саадуев. Первый проповедовал в сургутской мечети, а потом пришел на встречу с дагестанской молодежью, проведенную местной земляческой организацией и посвященную темам «Ислам — религия мира и добра» и «Экстремизм» [Заммуфтия РД 2015]. Второй выступил не только в мечети Сургута, но и с лекцией перед студентами университета, причем в рамках «большого просветительского турне по территории Зауралья». Оба проповедника осуждали ИГ и радикальные течения ислама и призывали земляков не поддаваться их пропаганде.

— Наш визит в первую очередь продиктован заботой о наших земляках-единоверцах. Когда мы дома — в Дагестане — слышим

¹ Здесь — проповеди имама в мечети.

² Это же событие актуализировало деятельность официального представителя правительства Дагестана в ХМАО. Миннац РД отреагировало письмом в администрацию города: «[М]ы заверили, что в любой момент там примем в этом участие, написали письмо в администрацию, но дальше мы уже работали с представителем» (ПМА, Татьяна Гамалей, Махачкала, 2018). В дальнейшем инициативу перехватила НКА Сургута, создавшая мобильные бригады дагестанцев, которые в преддверии 1 сентября стали патрулировать пришкольные территории.

что-то о ваших хороших поступках, то очень радуемся. И наоборот. Огорчаемся, когда узнаем, что чье-то поведение недостойно мусульманина. Для того чтобы мы могли только радоваться, необходимо каким-то образом удерживать молодежь в лоне настоящего — умеренного ислама. За этим мы и приехали. Ну и, конечно, просто увидиться — посмотреть в ваши лица, — пояснил имам махачкалинской мечети по поводу встречи [Проккопенко 2019 (2015)].

В Новом Уренгое подобные профилактические выезды влиятельных духовных лиц из ДУМД в рамках вышеописанного инцидента 2017 г., судя по всему, не проходили, дагестанское землячество их также не пыталось инициировать.

По данным активистов землячества Сургута, инициатива приглашения духовных лиц из республики на Север в данном случае исходила от нынешнего главы землячества. Через своего родственника в ДУМД он инициировал приезд религиозных авторитетов из Духовного управления для проведения разъяснительных бесед с земляками в рамках противодействия риторике радикальных проповедников. Осталось неясным, предшествовал ли этому запрос на подобную встречу со стороны правоохранительных структур или администрации региона, но очевидно, что это мероприятие они одобрили. Здесь деятельность лидера землячества отвечает интересам и, возможно, предвосхищает запрос властей принимающего сообщества. В свою очередь на территории Дагестана была проведена встреча представителей землячеств ХМАО и ЯНАО с представителями ДУМД.

В Дагестане муфтий шейх Ахмад Афанди встретился с делегацией лидеров диаспор Югры и Ямала. Эту информацию “URA.RU” подтвердил официальный представитель республики в ХМАО Низами Магомедов.

Ахмад Афанди во время встречи расспросил земляков об условиях жизни в округах, об отношении к ним властей и обратился к лидерам диаспор с призывом уделять как можно больше внимания вопросу имиджа выходцев с Кавказа. «Важно проводить воспитательные беседы, встречи, особенно с молодежью, привлекая в свой круг, для укрепления братских отношений и облагораживания нравов. Именно от культуры, воспитания, поведения дагестанцев будет зависеть и мнение о Дагестане», — цитирует шейха исламский религиозный портал Islamdag [Степыгин 2018].

Принимающий регион

Обе организации — сургутская НКА и новоуренгойская диаспора «Ватан» — зарегистрированы соответственно в Сургуте

и Новом Уренгое. Таким образом, если институт постпредства формально относится к Республике Дагестан, то земляческие институты оформлены как общественные организации в ХМАО и ЯНАО.

И НКА Сургута, и новоуренгойский «Ватан» представлены в некоторых консультационных собраниях при городской администрации. Как правило, в подобных структурах заседают руководители всех значимых землячеств города. В Новом Уренгое существует Консультативный совет по вопросам гармонизации межнациональных отношений при главе города, помимо руководителей Управления администрации и представителей духовенства, в него входят руководители национально-культурных общественных организаций, в том числе диаспоры «Ватан». Руководитель диаспоры состоит и в Общественном совете при главе администрации города.

Сотрудник администрации Нового Уренгоя и член местного Общественного совета на вопрос, каковы основные задачи, которые решаются в рамках этого совета, ответил: «У нас представители ОМВД, да, работают с нами, то есть по преступности» (ПМА, А., Новый Уренгой, 2019). Из дальнейшего разговора с ним выяснилось, что повестку дня в рамках гармонизации межэтнических отношений формирует главным образом МВД (это подтверждает и руководитель «Ватана»). Региональная власть использует руководителей земляческих организаций, чтобы делегировать им ответственность за местное сообщество выходцев из Дагестана, не ставя под сомнение его реальность, единство и сопряженность с землячеством. Иными словами, лидеры землячеств вынуждены не только выслушивать претензии в адрес своих земляков, но и принимать в отношении «провинившихся» меры воздействия.

Они обращают внимание на то, что там в какой-то период... там, грубо говоря, там какая-то национальность, среди представителей национальности увеличилось количество там преступлений либо административных правонарушений. Либо такие-то, такие-то были там в ходе каких-то там мероприятий. Либо плохо себя вели, либо где-то в каких-то общественных местах там были там... ну, грубо говоря, в нетрезвом виде или еще что-то. Вот они обращают на это внимание, они доводят эту информацию до руководителей диаспор с целью проведения каких-то разъяснительных бесед, каких-то, может быть, мероприятий по улучшению там каких-то культурных взаимодействий, либо там правил поведения и так далее (ПМА, А., Новый Уренгой, 2019).

Интересно, что этот же представитель одного из региональных департаментов на вопрос, пытаются ли лидеры землячеств

решать через работу совета проблемы своих земляков, ответил отрицательно. По его мнению, такого не происходит из-за присущей представителям Кавказа гордости, которая подталкивает их справляться с трудностями самостоятельно, не обращаясь за помощью к администрации.

В свою очередь, активист землячества высказал соображение, что в рамках этого совета, равно как и любой другой официальной структуры администрации города, реальные проблемы его земляков решить маловероятно.

Сам я понимаю, что на этот вопрос [дискриминация при трудоустройстве выходцев из Дагестана. — Е.К.] никто там не ответит. И смотрю реакцию. Ну реакция официальная всегда, всегда официальная: «Екатерина, принесите бумагу от того-то, того-то, что он именно по национальному признаку не берет вас на работу. И я вам помогу, уничтожу его». Вот официальный ответ... И всегда 99 % пользуются вот этой официальностью (ПМА, У., Новый Уренгой, 2019).

На заседаниях совета представителю землячества приходится защищать от обвинений своих земляков, главным образом это касается участия дагестанцев в экстремистских организациях, но также и других правонарушений.

Я всегда в этой среде — есть же в фильме положительные герои и отрицательные — я там отрицательный герой. К тому же я всегда защищаю своих. Может, он плохой человек, мой земляк, может, он поймет то, что я сделал для него, может, не поймет. Не в этом смысле. Но если по беспределу, если когда начальник милиции начинает докладывать там, вот в городе произошло 100 преступлений за год, из них 15 человек — кумыки, я говорю: «Я не понял. А кумыки что, инопланетяне или что? Там что, русских не было, чеченцев?.. И каждый раз вот они докладывают: было совершено вот столько за год, там из них 3 % там эти, 4 % эти, 6 % дагестанцы. Это вначале, семь-восемь лет назад, это было постоянно. Год, два, три длится. И все на этом. Я говорю, я один раз прочитал: «Вот вы сказали, — говорю, — три, четыре, пять, семь дагестанцев, два этих. Хорошо, все приплюсовал, пускай будет там, грубо говоря, 20 % в общем преступлений. Из них дагестанцы составляют 7 %. Мы почему постоянно говорим о дагестанцах, или о чеченцах, или о ногайцах, акцентируя внимание? А остальные 80 % кто? (ПМА, Э.Б., Новый Уренгой, 2019)

При этом в участии в работе Общественного совета лидер «Ватана» видит некоторую выгоду лично для себя и для обретения авторитета в землячестве. В частности, он завел знакомства в администрации города и наладил неформальные связи, через

которые смог решать и свои деловые вопросы, и проблемы земляков.

Помимо этого, представителя землячеств приглашают в рейды по тюрьмам округа вместе с Управлением федеральной службы исполнения наказаний: «Вот, к землякам своим они ездят, навставляют на путь истинный» (ПМА, М., Новый Уренгой, 2018).

Внимание со стороны МВД к землячествам корректирует их повестку и формы деятельности. Так, лидеры землячеств сознательно проводят все собрания «на виду» у местной администрации и особенно МВД. «Вот тем не менее мы раньше какое-то такое обширное собрание если проводим, я ставил в известность администрацию, вот то, что мы собираемся, вот такие-то, такие-то темы у нас, да, на повестке дня» (ПМА, Э.Б., Новый Уренгой, 2019). Строительство земляческого дома, хотя и декларировалось как возможность собираться без опасения быть арестованными силовыми структурами, не избавило активистов землячества от необходимости уведомлять эти структуры и городскую администрацию о предстоящих встречах и их повестке.

Там огромный навес, там и 500 человек поместится. И там проводили, и если даже вот я ставил в известность, вот по воспитанию молодежи, против экстремизма, терроризма, там еще какие-то собрания, темы возникают. Или там какие-то недоразумения получают. На всю Россию стало известно одно время, когда преступление было совершено там между ногойцами и чеченцами, и все поднялись, короче, и там были дагестанцы замешаны, не замешаны, я не знаю. Вот в такие моменты мы уже объединяемся, мы собираемся, собрание проводим, там туда-сюда. Власти же боятся, что это чтоб не вылилось в конфликт межнациональный. И дабы чтоб не допустить вот этой розни, конфликты на национальной почве, мы сразу собираемся, реагируем и на берегу стараемся закрыть вопрос (ПМА, Э.Б., Новый Уренгой, 2019).

Отношение администрации Нового Уренгоя к дагестанской земляческой организации в целом и к ее руководителю в частности представляется достаточно типичным для российских реалий. И. Нам, характеризуя ситуацию с этническими «диаспорами» (в значении сообщества, а не только института) в Томске, пишет:

Государство прибегает к услугам НКА как представителя диаспоры, поскольку нуждается в каналах связи с этническими сообществами. <...> При этом и мигранты, и власть, и значительная часть общества руководствуются интуитивно примордиалистскими представлениями на этот счет. руководи-

тели НКА воспринимаются властью не как люди, добровольно возложившие на себя бремя общественной деятельности и в этом смысле обязанные только членам своей общественной организации. От них ожидают обязательного выполнения властных распоряжений, не наделяя при этом необходимыми правами, полномочиями и ресурсами [Нам 2015: 39].

Глава сургутской НКА наряду с другими руководителями земляческих организаций входит в Координационный совет по вопросам этнических и религиозных сообществ при главе города Сургута. В последнее десятилетие в Сургуте произошла череда конфликтов, маркируемых широкой общественностью города как межэтнические, в которых принимали участие и выходцы из РД (это особенно подчеркивалось местными СМИ и представителями правоохранительных органов и региональной власти). Этнический совет при администрации Сургута, куда входили представители основных земляческих организаций города, фактически заставлял их отчитываться за действия земляков. Конфликт представителей НКА РД и полиции на ежегодном празднике национальных культур «Соцветие» 12 июня 2011 г., а также бойкот этого праздника землячествами Дагестана, Чечни, Азербайджана, езидов и болгар в связи с неоднократным превышением служебных полномочий ОМОНОм по отношению к их землякам показали сложность взаимоотношений между региональными властями и землячествами.

В этих условиях НКА РД решила сменить стиль своих отношений с властью и силовыми ведомствами. В 2014 г. новый глава НКА, очевидно, сделал ставку на превентивную координацию своей деятельности с властями Сургута, прежде всего с правоохранительными органами. В рамках этой политики, к примеру, была проведена встреча представителей полиции с молодыми дагестанцами. Пришедших фактически журили за плохое поведение в городе, а заместитель начальника УМВД города И. Топчиев отметил: «Пока что ваша национальность и еще несколько находятся на особом контроле. За вами смотрят и наблюдают» [Степыгин 2014].

В последние несколько лет НКА РД добровольно включается в работу по предотвращению и разрешению конфликтных ситуаций с участием земляков. Под эгидой главы НКА создаются дагестанские мобильные группы быстрого реагирования, которые наряду с полицией выезжают на места таких конфликтов [Правда что ли? 2013]. Очевидно, здесь можно видеть как попытку контроля над возможными конфликтными ситуациями со стороны НКА, так и декларацию ее готовности выступать в качестве коллективного ответчика за действия земляков перед городскими властями и сообществом. В частности, НКА взяла

на себя труд собирать вновь прибывших молодых земляков, чаще всего студентов, дабы прививать им нормы поведения в обществе: «Чтобы не быть раздражителем для местных людей» (ПМА, К., Сургут, 2018).

НКА РД также вызвалась быть медиатором при решении вопросов, касающихся воинского призыва из ХМАО. Глава диаспоры лично берет ответственность за поведение дагестанцев, ушедших служить из этого региона, а в ситуации конфликтов использует земляческий ресурс для их урегулирования: мне рассказали случай, когда дагестанец — нарушитель дисциплины в воинской части после разговора с главой землячества «исправился» и стал в своей части на хорошем счету. Подобное принятие ответственности за призывников-дагестанцев принесло плоды и фактически отменило существовавшее до этого негласное правило местных военкоматов не брать в армию выходцев из республики.

[Руководитель НКА] сказал: «Где какое ЧП будет, я лично вылечу туда!» (ПМА, К., Сургут, 2018).

Один раз с Дальнего Востока звонили, я говорю: «К телефону пригласите его». И то не сургутский был, мы за сургутских ручались, а он с Лянтора. Но все равно переговорил я с ним. Я уже на связи с командиром части был потом, звоню: «Ну как там?» А он: «Не знаю, что вы ему сказали, но он как шелковый прямо» (ПМА, Б., Сургут, 2018).

НКА РД в Сургуте декларирует свою лояльность региональной власти и вне своей компетенции землячества. Так, именно глава сургутской НКА в марте 2015 г. стал вдохновителем и одним из организаторов митинга, посвященного годовщине присоединения Крыма. На уличном митинге, помимо чиновников и депутатов, присутствовали и представители землячеств, несмотря на мартовский мороз, на сцене танцевал ансамбль кавказского танца при землячестве, пела приглашенная певица из Дагестана [Дагестанский митинг 2015]. По инициативе НКА поддержать митинг приехали земляки со всего ХМАО.

Да ну, дагестанское общество, со всего округа приехали ребята, по тридцать, сорок человек с каждого города приехали. Было порядка, ну восемьсот человек где-то было. Заявку дали на пятьсот, а потом сказали: «Если больше будет, вас оштрафуют». Мы уж сказали: «А давайте тысячу». И мы уже говорили: «Много не надо ехать» (ПМА, К., Сургут, 2018).

Участвует НКА и в других общегородских мероприятиях, формально не имеющих отношения к заявленным в их уставе задачам. Например, по словам постпреда в ХМАО, «во всех горо-

дах у нас вот когда идет, допустим, там субботники, мы прям берем в администрации расписание, когда вот весеннее — осеннее, допустим, там как бы субботники, мы стараемся участвовать в жизни города» (ПМА, К., Сургут, 2018).

Анализируя взаимодействие земляческих структур с местной властью, стоит коснуться вопроса их репрезентативности как института для большинства мигрантов в городе. Специфика развития подобных институтов в России нередко порождает ситуацию, когда активисты официальных земляческих организаций и большинство тех, кого они якобы представляют, существуют в разных измерениях и в разных социальных ролях [Воронков 2002]. Например, А. Осипов, рассматривая действующие в России национально-культурные автономии, обнаруживает разную мотивацию их членов. Представители интеллигенции интересуются языком и культурой своей группы, а иногда и ее социальными проблемами, для бизнесменов участие в деятельности НКА — способ общественной самореализации или вид благотворительности, для религиозных активистов и политиков — это скорее PR-проект [Осипов 2004: 176–177]. Далее автор замечает: «Возможны самые разные конфигурации, и только одна практически не встречается в реальности — это “община”, объединяющая в своей структуре большинство членов этнической группы на определенной территории и координирующая всю активность внутри этой группы» [Там же: 180].

В рассматриваемом случае, когда речь идет о землячествах в целом, с последним утверждением можно не согласиться. В настоящее время обе структуры, и сургутская, и новоуренгойская, хорошо известны землякам, что следует из интервью с дагестанцами, живущими в обоих городах. В сообществе достаточно хорошо налажено взаимодействие между мигрантами, прежде всего в рамках реагирования на экстраординарные ситуации, например при конфликте земляка с кем-то другим, особенно в случае участия правоохранительных органов, а также в сложных жизненных ситуациях. Оба землячества организуют сбор средств на похороны умершего в миграции дагестанца, помогают с отправкой тела на родину и сбором документов. При этом существует важное отличие НКА Сургута от диаспоры Нового Уренгоя. Диаспора «Ватан», появившаяся сравнительно недавно, гораздо позже, чем НКА Сургута, очевидно, организовалась из неформального сообщества мигрантов, прибывших в город в конце XX — начале XXI в. В условиях сравнительно небольшого города и значительной гомогенности сообщества (большая часть мигрантов из Дагестана, работающих и живущих в Сургуте, кумыки, выходцы из сел Северного Дагестана) оно пошло в своем развитии

в сторону консолидации и ограничения контактов с принимающим сообществом, которые нередко приводили к конфликтам. Подтверждением этого выбора становится, к примеру, выделение для землячества собственной территории — строительство земляческого дома. Судя по данным интервью, лидер землячества склонен купировать претензии МВД в адрес земляков, оперируя доводами о неправомерности этнизации при оценке масштабов и характера правонарушений в городе.

В первое десятилетие существования НКА Сургута ею действительно управляли давние мигранты, уже прочно инкорпорированные в местный социум и не имеющие таких насущных социальных и экономических проблем, как их недавно прибывшие земляки. Все изменилось в 2014 г.: нынешний руководитель, который сам относительно недолго живет в регионе, сделал ставку на более плотное взаимодействие как с земляками, так и с местными властями.

Сургутской НКА, очевидно, труднее строить работу с опорой на консолидацию и объединение всех земляков — миграция сюда масштабнее и разнообразнее (нет доминирования той или иной этнической группы), чем в Новый Уренгой, а город ощущимо больше. При этом местные власти ожидают, что НКА будет играть роль медиатора между ними и мигрантами, возьмет на себя ответственность за земляков, особенно за их противоправные действия. Принимая этот вызов, НКА сосредоточивает свою деятельность именно на таком взаимодействии, а порой и выступает его инициатором.

Неофициальные контакты землячеств с отправляющими сообществами весьма обширны. В качестве примера можно привести несколько направлений, по которым неформальные транслокальные связи соединяют отправляющее общество с мигрантами, живущими на Севере. Взаимодействие в миграции нередко строится на основе сельской и районной идентичности (подробнее см.: [Kapustina 2019]). В случае если землячество в значительной степени представляет собой институционно оформленное сообщество, а не формальный и изолированный от большинства мигрантов институт, оно активно принимает участие в обеспечении этих связей.

Вы знаете, что мне нравится здесь в дагестанцах? Здесь у нас своя диаспора. И недавно у какой-то родственницы вот какой-то брат или там авария, не дай Бог, там... Все скидываются, провожают ее, и улетела на землю... Все заботятся, здесь человек просто так не останется. И кому-то помощь нужна будет, ну у нас сплоченность есть, мне это нравится (ПМА, И., Новый Уренгой, 2019).

Показательный пример — организация отправки тела умершего из Нового Уренгоя на малую родину (практически всех покойников везут хоронить в Дагестан, поэтому это стало одной из важнейших функций землячества). За все время деятельности организации из Нового Уренгоя вывезли около 80 тел умерших дагестанцев. Еще до официального оформления организации активисты-земляки купили газель с холодильной установкой для перевозки тел умерших. В последние несколько лет покойников начали отправлять в Дагестан авиатранспортом в связи с тем, что эта услуга значительно подешевела. Одна из важнейших функций диаспоры в этой сфере — помощь с документами и другими организационными вопросами (судмедэкспертизой и т.п.). Поскольку согласно нормам ислама покойного следует похоронить как можно скорее, предпочтительно до захода солнца в день смерти, родным актуально быстро уладить формальности перед перевозкой тела — оформить свидетельство о смерти и прочие документы. Через лидеров землячества происходит сбор средств в помощь семье умершего, особенно на транспортировку тел и проезд родственников. Деньги собирают с земляков, назначая кассира, который аккумулирует средства. В прошлом для этих целей у землячества была общинная касса.

Помимо оказания помощи землякам в миграции, через землячество, а точнее через уполномоченных по отдельным селам, дагестанцы собирают деньги на социальные нужды в родных селах. «Есть еще такой момент, то, что касается моего села. Там мечеть у нас в селе, кладбище, их тоже надо содержать. А там, вы сами знаете, безработица, денег нету. Мы всем селом собираемся, и также каждое село здесь» (ПИМА, М., Новый Уренгой, 2019). Проекты могут быть масштабными, возможна кооперация с местными органами власти. Так, один из успешных бизнесменов Сургута совместно с местной районной властью профинансировал и организовал строительство дороги от родного селения в райцентр — половина средств была выделена из районного бюджета. Другой пример — активист новоуренгойского землячества приобрел и установил фонари для освещения родного села в одном из равнинных районов Дагестана. Однако подобные случаи кооперации между членами землячества и локальными властями Дагестана не свидетельствуют о наличии взаимодействия на официальном уровне, а происходят благодаря частным связям и договоренности между людьми. Например, глава села, где были установлены прибывшие с Севера фонари, приходился младшим братом дарителю¹.

¹ О неформальной помощи мигрантов и их институций отправляющему сообществу см. подробнее: [Капустина 2019].

Краткое заключение

Процесс миграции между государствами может быть очень формализован, и участвующие страны или их правительства могут использовать миграцию для эксплицитных политических целей [Pries 1999: 25]. Проанализировав доступные свидетельства взаимоотношений региональных властей Республики Дагестан и земляческих структур двух западносибирских регионов, можно сделать вывод о существовании между ними слабых и номинальных контактов, ограничивающихся формальными заявлениями сторон. Потенциал землячеств либо неинтересен властям республики, либо неподвластен — они не представляют, какие механизмы можно задействовать, чтобы управлять этим потенциалом и использовать его для своих целей. Одной из важнейших задач при работе с землячествами считается деятельность по предотвращению экстремизма и терроризма среди их членов и дагестанцев в регионе в целом.

В свою очередь, дагестанские земляческие организации, формально принимая участие во всех инициативах министерства и властей ХМАО и ЯНАО, в отправляющем сообществе официально никак себя не проявляют и как общественные организации фактически остаются для него невидимыми. В принимающем сообществе землячества стараются превентивно продемонстрировать свою лояльность региональным властям и особенно силовым структурам, а также рассеивать недоверие властей в отношении выходцев из Дагестана, которых постоянно подозревают в экстремизме и преступной деятельности. Таким образом, позиции наделенных властью представителей как принимающего, так и отправляющего сообществ сближают недоверие к землячествам и стремление их контролировать.

Дагестанские землячества, судя по всему, не столько нуждаются в диалоге с местной властью, получении от нее дивидендов или решении насущных вопросов, сколько стараются обезопасить себя от ее нападков и претензий. В этих условиях сургутское землячество сделало ставку на политическую лояльность и активизм, а новоуренгойское предпочло создать для своей деятельности закрытое пространство. При этом обе структуры участвуют в официальных мероприятиях, которые маркируются местными властями как призванные повысить «толерантность» в обществе — «этнические подворья», спортивные мероприятия и т.п.

Параллельно этому неформальные объединения мигрантов, организованные по принципу принадлежности к тому или иному селению (реже — району), оказывают влияние на отправляющее сообщество посредством благотворительности и точечных социальных и экономических проектов. Также, как

показал новоуренгойский пример, более широкие неформальные объединения могут быть фактически институализированы в официальные земляческие структуры.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-05-60108 «Арктические связи: люди и инфраструктуры». Я чрезвычайно благодарна руководителям и активистам указанных дагестанских земляческих организаций за помощь в моей работе в регионе.

Список сокращений

ПМА — Полевые материалы автора, собранные в Сургуте, Новом Уренгое и Махачкале в 2015, 2018 и 2019 гг.

Источники

В Миннаце РД прошло итоговое заседание Межведомственного совета по взаимодействию с дагестанскими землячествами // Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан (Миннац РД). 2018, 25 дек. <<http://minnacrd.ru/news/item/1205>>.

В Миннаце РД состоялась встреча с представителем Правительства республики в Ямало-Ненецком автономном округе // Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан (Миннац РД). 2019, 27 фев. <<http://minnacrd.ru/news/item/1413>>.

Дагестанский митинг 7 марта 2015 года, город Сургут [видеозапись] // К-Информ: информационное агентство чрезвычайных происшествий на YouTube. 2015, 11 мар. <<https://www.youtube.com/watch?v=6AToQH0hRw>>.

Заммуфтия РД провел пятничную проповедь в Сургуте // Islam.ru: исламский информационный портал. 2015, 15 дек. <<http://www.islam.ru/news/2015-12-19/45119>>.

Исаев Т. Дагестан и Ханты-Мансийский автономный округ будут укреплять межнациональные отношения // Кавказский узел. 2008, 17 апр. <<http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/135159>>.

Правда что ли? Дагестанцы в Югре создают свой ОМОН. «Группа будет выезжать на место и разбираться» // Ура.ру: российское информационное агентство. 2013, 15 авг. <<https://ura.news/news/1052163541>>.

Прокопенко М. Главный имам Махачкалы объяснил молодым мусульманам Сургута, почему деятельность ИГ негодна Аллаху // BezFormata. 2019, 11 янв. <<https://hantimansiysk.bezformatata.com/listnews/mahachkali-obyasnil-molodim-musulmanam/39118405>>. [первоисточник — публикация на сайте ИД «Новости Югры» от 2015, 20 окт., не сохранилась].

Степыгин А. Стволы, лезгинка и ОМОН... // Ура.ру: российское информационное агентство. 2014, 31 мар. <<http://ura.ru/articles/1036261701>>.

Степыгин А. Нацлидеров ХМАО и ЯНАО вызвали в Дагестан. Серьезный разговор с диаспорами прошел в годовщину массовой резни в Сур-

гуге // Ура.ру: российское информационное агентство. 2018. 20 июля. <<https://ura.news/news/1052343528>>.

[ФЗ 2002] Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ с изменениями от 21 марта 2002 г.

Библиография

- Бредникова О., Паченков О.* Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // *Диаспоры*. 2001. № 1. С. 131–147.
- Варнавский П.* Феноменология социокультурной адаптации (на примере мигрантов из Центральной Азии в Забайкалье) // *Диаспоры*. 2011. № 1. С. 184–218.
- Воронков В.* Мультикультурализм и деконструкция этнических границ // Малахов В.С., Тишков В.А. (ред.). *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ*. М.: ИЭА РАН; Ин-т философии РАН, 2002. С. 38–47.
- Воронов В.В., Дмитриев А.В.* Региональные проблемы диаспорно-земляческих сообществ: экспертное измерение. М.: Новый хронограф, 2016. 128 с.
- Дмитриев А.В., Леденева В.Ю., Назарова Е.А.* Миграция в Москве: модели и перспективы. М.: Альфа-М, 2013. 120 с.
- Дмитриев А.В., Роговая А.В.* Мониторинг правового регулирования статуса диаспоры и землячества (экспертное мнение) // *Мониторинг правоприменения*. 2015. № 3 (16). С. 29–35.
- Дятлов В.И.* Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе // Дятлов В.И., Панарин С.А., Рожанский М.Я. (ред.). *Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность*. М.; Иркутск: Наталис, 2005. С. 95–137. <<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php>>.
- Капустина Е.Л.* Выходцы из Дагестана в Западной Сибири: к вопросу о формировании транслокальных сообществ // Халилова А.С. (ред., сост.). *Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН)*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014а. С. 96–114.
- Капустина Е.Л.* Собственность на Север: мигранты из Дагестана и освоение городского пространства в Западной Сибири (на примере ситуации в г. Сургут) // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2014б. № 5. С. 158–176.
- Назарова Е.А.* Коммуникативные аспекты социальной адаптации трудовых мигрантов и их интеграции в полиэтническое пространство регионов // *Коммуникология*. 2018. Т. 6. № 4. С. 37–44. doi: 10.21453/2311-3065-2018-6-4-37-44.
- Нам И.В.* «Новые» этнические группы (диаспоры) в г. Томске // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 5 (37). С. 33–43. doi: 10.17223/19988613/37/5.
- Осинов А.Г.* Национально-культурная автономия: идеи, решения, институты. СПб.: ЦНСИ, 2004. 508 с.

- Осинов А.Г. Является ли национально-культурная автономия в России инструментом защиты меньшинств? // Вестник Института Кеннана в России. 2006. № 9. С. 46–53.
- Румянцев С., Барамидзе Р. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге: как конструируются «диаспоры». Ч. 1 // Диаспоры. 2008. № 2. С. 6–46.
- Румянцев С., Барамидзе Р. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге: как конструируются «диаспоры». Ч. 2 // Диаспоры. 2009. № 1. С. 6–38.
- Халилова А.С. К вопросу об общественно-политическом сотрудничестве Республики Дагестан с традиционно «русскими» регионами Северного Кавказа в 1993–2008 годах // Россия 2030 глазами молодых ученых: Мат-лы III Всерос. науч. конф. (Москва, 26 апреля 2012 г.). М.: Научный эксперт, 2012. С. 376–379.
- Черепанова М.И., Горбунова А.А. Этнические диаспоры: адаптивный и интеграционный потенциал в трансграничных регионах России // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 1. С. 73–86. doi: 10.14258/ssi(2019)1-5362.
- Baser B., Halperin A. Diasporas from the Middle East: Displacement, Transnational Identities and Homeland Politics // British Journal of Middle Eastern Studies. 2019. Vol. 46. No. 2. P. 215–221. doi: 10.1080/13530194.2019.1569308.
- Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. Towards a Definition of Transnationalism: Introductory Remarks and Research Questions // Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. (eds.). Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. N.Y.: New York Academy of Sciences, 1992. P. IX–XIV. doi: 10.1111/j.1749-6632.1992.tb33482.x.
- Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // Pries L. (ed.). Migration and Transnational Social Spaces. Brookfield, VT: Ashgate, 1999. P. 73–105.
- Kandel W., Massey D.S. The Culture of Mexican Migration: A Theoretical and Empirical Analysis // Social Forces. 2002. Vol. 80. No. 3. P. 981–1004. doi: 10.1353/sof.2002.0009.
- Kapustina E. The Boundaries of the Djamaat: The Particular Features of Dagestan's Translocal Communities in the Context of Migration Flows within the Russian Federation // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 1. С. 103–118. doi: 10.17323/727-0634-2019-17-1-103-118.
- Laguerre M.S. State, Diaspora, and Transnational Politics // Laguerre M.S. Diaspora, Politics, and Globalization. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2006. P. 43–71. doi: 10.1057/9781403983329_3.
- Lozano-Ascencio F., Roberts B., Bean F. The Interconnections of Internal and International Migration: The Case of the United States and Mexico // Pries L. (ed.). Migration and Transnational Social Spaces. Brookfield, VT: Ashgate, 1999. P. 138–161.
- Margolis M.L. Transnationalism and Popular Culture: The Case of Brazilian Immigrants in the United States // Journal of Popular Culture. 1995. Vol. 29. No. 1. P. 29–41. doi: 10.1111/j.0022-3840.1995.2901_29.x.

- Pries L.* New Migration in Transnational Space // Pries L. (ed.). Migration and Transnational Social Spaces. Brookfield, VT: Ashgate, 1999. P. 1–36.
- Sokolov D.* Ugra, the Dagestani North: An Anthropology of Mobility between the North Caucasus and Western Siberia // Laruelle M. (ed.). New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions. Abingdon, Oxon; N.Y.: Routledge, 2016. P. 176–192. (Routledge Research in Polar Regions).
- Sørensen N.N.* Living Across Worlds: Diaspora, Development and Transnational Engagement. Geneva: International Organization for Migration, 2007. 211 p.
- Sutton C., Makiesky-Barrow S.* Migration and West Indian Racial and Ethnic Consciousness // Safa H., Dutoit B. (eds.). Migration and Development: Implications for Ethnic Identity and Political Conflict. The Hague: Mouton, 1975. P. 17–42.
- Yarlykov A.* Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community // Problems of Post-Communism. 2019, Aug. 20. P. 1–10. doi: 10.1080/10758216.2019.1631181.

Diaspora Associations and Regional Authorities in the Context of the Study of Migration from Dagestan to Western Siberia

Ekaterina Kapustina

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
parlel@mail.ru

This article investigates the interaction between Dagestani diaspora association organizations and regional authorities of the host and the sending community by considering the case of diaspora associations connected to Dagestan in the cities of the Khanty-Mansi and Yamalo-Nenets autonomous okrugs. The article aims to describe the specifics of such interactions and to define relevant communicative strategies used by local association institutes facing the challenges created by regional authorities of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, and Dagestan. The study investigates the specifics of diaspora associations' contacts with important governing institutions in the sending community represented by the Ministry of National Politics and Religious Affairs and the Spiritual Administration of the Muslims of Dagestan. Contacts with the authorities of the host community — urban and

district administrations, above all — are likewise investigated. In the latter two, behavioral strategies are highlighted. The first is aimed at cooperation with authorities of the host society; the second is aimed at the closed nature of interaction within a diaspora association. The article uses data (interviews and observations) from the author's fieldwork conducted in the cities of both okrugs and in Makhachkala in 2015, 2018, and 2019, as well as supplementary sources (media publications and information from the official sites of the described regions).

Keywords: migration, Dagestan, diaspora associations, regional authorities, host and sending society.

Acknowledgements

This article was prepared as part of the project “Arctic connectivity: People and infrastructure” supported by the Russian Fund for Basic Research, grant no. 18-05-60108. I am extremely grateful to the leaders and activists of the Dagestan compatriot organizations for their help in my work in the region.

References

- Baser B., Halperin A., ‘Diasporas from the Middle East: Displacement, Transnational Identities and Homeland Politics’, *British Journal of Middle Eastern Studies*, 2019, vol. 46, no. 2, pp. 215–221. doi: 10.1080/13530194.2019.1569308.
- Brednikova O., Pachenkov O., ‘Azerbaydzhanskie torgovtsy v Peterburge: mezhdru “voobrazhaemymi soobshchestvami” i “pervichnymi grup-pami” [Azerbaijani Traders in St Petersburg: Between “Imaginary Communities” and “Primary Groups”], *Diaspory*, 2001, no. 1, pp. 131–147. (In Russian).
- Cherepanova M. I., Gorbunova A. A., ‘Etnicheskie diasporry: adaptivnyy i integratsionnyy potentsial v transgranichnykh regionakh Rossii’ [Ethnic Diasporas: Adaptive and Integrative Potential in Cross-Border Regions of Russia], *Society and Security Insights*, 2019, vol. 2, no. 1, pp. 73–86. doi: 10.14258/ssi(2019)1-5362. (In Russian).
- Dmitriev A. V., Ledeneva V. Yu., Nazarova E. A., *Migratsiya v Moskve: modeli i perspektivy* [Migration in Moscow: Models and Perspectives]. Moscow: Alfa-M, 2013, 120 pp. (In Russian).
- Dmitriev A. V., Rogovaya A. V., ‘Monitoring pravovogo regulirovaniya statusa diasporry i zemlyachestva (ekspertnoe mnenie)’ [Monitoring the Legal Regulation of the Status of the Diaspora and Community (Expert Opinion)], *Monitoring of Law Enforcement*, 2015, no. 3 (16), pp. 29–35. (In Russian).
- Dyatlov V. I., ‘Migratsii, migranty, “novye diasporry”: faktor stabilnosti i konflikta v regione’ [Migration, Migrants, “New Diasporas”: A Factor of Stability and Conflict in the Region], Dyatlov V. I., Panarin S. A., Rozhanskiy M. Ya. (eds.), *Baykalskaya Sibir: iz chego skladyvaetsya stabilnost* [Baikal Siberia: What Constitutes Stability]. Moscow; Irkutsk:

- Natalis, 2005, pp. 95–137. <<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0271/analit01.php>>. (In Russian).
- Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C., ‘Towards a Definition of Transnationalism: Introductory Remarks and Research Questions’, Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C. (eds.), *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. New York: New York Academy of Sciences, 1992, pp. IX–XIV. doi: 10.1111/j.1749-6632.1992.tb33482.x.
- Glick Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C., ‘From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration’, Pries L. (ed.), *Migration and Transnational Social Spaces*. Brookfield, VT: Ashgate, 1999, pp. 73–105.
- Kandel W., Massey D. S., ‘The Culture of Mexican Migration: A Theoretical and Empirical Analysis’, *Social Forces*, 2002, vol. 80, no. 3, pp. 981–1004. doi: 10.1353/sof.2002.0009.
- Kapustina E. L., ‘Sobstvennost na Sever: migranty iz Dagestana i osvoenie gorodskogo prostranstva v Zapadnoy Sibiri (na primere situatsii v g. Surgut)’ [North Ownership: Migrants from Dagestan and Their Acquaintance with Urban Space in West Siberia (Surgut Case)], *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2014, no. 5, pp. 158–176. (In Russian).
- Kapustina E. L., ‘Vykhodtsy iz Dagestana v Zapadnoy Sibiri: k voprosu o formirovaniy translokalnykh soobshchestv’ [Migrants from Dagestan in West Siberia: The Formation of Translocal Communities], Khalilova A. S. (ed., comp.), *Etnokulturnye landshafty na postsovetском prostranstve: problemy i osobennosti formirovaniya dagestanskogo komponenta* [Ethnocultural Landscapes in Post-Soviet Space: Problems and Specifics of the Formation of the Dagestania Element]. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of RAS, 2014, pp. 96–114. (In Russian).
- Kapustina E., ‘The Boundaries of the Djamaat: The Particular Features of Dagestan’s Translocal Communities in the Context of Migration Flows within the Russian Federation’, *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*, 2019, no. 1, pp. 103–118. doi: 10.17323/727-0634-2019-17-1-103-118.
- Khalilova A. S., ‘K voprosu ob obshchestvenno-politicheskom sotrudnichestve Respubliki Dagestan s traditsionno “russkimi” regionami Severnogo Kavkaza v 1993–2008 godakh’ [On the Issue of Social and Political Cooperation between the Republic of Dagestan and the “Russian” Regions of the North Caucasus in 1993–2008], *Rossiya 2030 glazami molodykh uchenykh* [2030 Russia through the Eyes of Young Scientists]: Materials of the 3rd All-Russian Scientific Conference (Moscow, April 26, 2012). Moscow: Nauchnyy ekspert, 2012, pp. 376–379. (In Russian).
- Laguette M. S., ‘State, Diaspora, and Transnational Politics’, Laguerre M. S., *Diaspora, Politics, and Globalization*. New York: Palgrave Macmillan, 2006, pp. 43–71. doi: 10.1057/9781403983329_3.
- Lozano-Ascencio F., Roberts B., Bean F., ‘The Interconnections of Internal and International Migration: The Case of the United States and Mexico’, Pries L. (ed.), *Migration and Transnational Social Spaces*. Brookfield, VT: Ashgate, 1999, pp. 138–161.

- Margolis M. L., 'Transnationalism and Popular Culture: The Case of Brazilian Immigrants in the United States', *Journal of Popular Culture*, 1995, vol. 29, no. 1, pp. 29–41. doi: 10.1111/j.0022-3840.1995.2901_29.x.
- Nam I. V., "'Novye" etnicheskie gruppy (diaspory) v g. Tomske' ["New Ethnic Groups (Diasporas) of Tomsk"], *Bulletin of Tomsk State University, History*, 2015, no. 5 (37), pp. 33–43. doi: 10.17223/19988613/37/5. (In Russian).
- Nazarova E., 'Kommunikativnye aspekty sotsialnoy adaptatsii trudovykh migrantov i ikh integratsii v polietnicheskoe prostranstvo regionov' [Communicative Aspects of Social Adaptation of Labor Migrants and Their Integration into the Multiethnic Space of the Regions], *Kommunikologiya*, 2018, vol. 6, no. 4, pp. 37–44. doi: 10.21453/2311-3065-2018-6-4-37-44. (In Russian).
- Osipov A. G., *Natsionalno-kulturnaya avtonomiya: idei, resheniya, instituty* [National Cultural Autonomy: Ideas, Solutions, Institutions]. St Petersburg: The Centre for Independent Social Research Press, 2004, 508 pp. (In Russian).
- Osipov A. G., 'Yavlyaetsya li natsionalno-kulturnaya avtonomiya v Rossii instrumentom zashchity menshinstv?' [Is National-Cultural Autonomy in Russia an Instrument for the Protection of Minorities?], *Bulletin of the Kennan Institute for Advanced Russian Studies*, 2006, no. 9, pp. 46–53. (In Russian).
- Pries L., 'New Migration in Transnational Space', Pries L. (ed.), *Migration and Transnational Social Spaces*. Brookfield, VT: Ashgate, 1999, pp. 1–36.
- Rumyantsev S., Baramidze R., 'Azerbaydzhantsy i gruziny v Leningrade i Peterburge: kak konstruiruyutsya "diaspory"' [Azerbaijanis and Georgians in Leningrad and St Petersburg: How "Diasporas" Are Constructed], part 1, *Diaspory*, 2008, no. 2, pp. 6–46. (In Russian).
- Rumyantsev S., Baramidze R., 'Azerbaydzhantsy i gruziny v Leningrade i Peterburge: kak konstruiruyutsya "diaspory"' [Azerbaijanis and Georgians in Leningrad and St Petersburg: How "Diasporas" Are Constructed], part 2, *Diaspory*, 2009, no. 1, pp. 6–38. (In Russian).
- Sokolov D., 'Ugra, the Dagestani North: An Anthropology of Mobility between the North Caucasus and Western Siberia', Laruelle M. (ed.), *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions*. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2016, pp. 176–192. (Routledge Research in Polar Regions).
- Sørensen N. N., *Living Across Worlds: Diaspora, Development and Transnational Engagement*. Geneva: International Organization for Migration, 2007, 211 pp.
- Sutton C., Makiesky-Barrow S., 'Migration and West Indian Racial and Ethnic Consciousness', Safa H., Dutoit B. (eds.), *Migration and Development: Implications for Ethnic Identity and Political Conflict*. The Hague: Mouton, 1975, pp. 17–42.
- Varnavskiy P., 'Fenomenologiya sotsiokulturnoy adaptatsii (na primere migrantov iz Tsentralnoy Azii v Zabaykalye)' [The Phenomenology of Sociocultural Adaptation (The Case of Migrants from Central Asia to Transbaikalia)], *Diaspory*, 2011, no. 1, pp. 184–218. (In Russian).

- Voronkov V., 'Multikulturalizm i dekonstruktsiya etnicheskikh granits' [Multiculturalism and the Deconstruction of Ethnic Borders], Malakhov V. S., Tishkov V. A. (eds.), *Multikulturalizm i transformatsiya postsovetskikh obshchestv* [Multiculturalism and the Transformation of Post-Soviet Societies]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of RAS; Institute of Philosophy of RAS, 2002, pp. 38–47. (In Russian).
- Voronov V. V., Dmitriev A. V., *Regionalnye problemy diasporno-zemlyacheskikh soobshchestv: ekspertnoe izmerenie* [Regional Problems of Diaspora-Compatriot Communities: Expert Dimension]. Moscow: Novyy khronograf, 2016, 128 pp. (In Russian).
- Yarlykapov A., 'Divisions and Unity of the Novy Urengoy Muslim Community', *Problems of Post-Communism*, 2019, Aug. 20, pp. 1–10. doi: 10.1080/10758216.2019.1631181.